

18-19 сентября 2009 г. в Институте философии РАН состоялась Международная научно-практическая конференция «Национальное государство, иммиграция и культурный плюрализм».

В церемонии открытия с приветствиями к участникам конференции выступили директор ИФ РАН академик **А. А. Гусейнов**, руководитель московского филиала Фонда им. Фридриха Эберта г-н **Р. Крумм**, директор Института этнологии и антропологии РАН академик **В. А. Тишков**, а также директор Евразийской сети политических исследований **В. Н. Меркушев**. Затем с коротким вступительным докладом выступил директор Центра изучения проблем гражданства и идентичности, ведущий научный сотрудник ИФ РАН **Владимир Малахов**.

Первая сессия (модератор – **Б. К. Капустин**) носила название «**Культурное разнообразие как вызов национальному государству: определяя концептуальные рамки**». Работа сессии началась с совместной презентации **Карла-Ульрика Ширупа** и **Александры Алунд** (Линчепинг, Швеция) «От парадоксов мультикультурализма к парадоксам либерализма: в Швеции и за ее пределами». По мнению авторов презентации, в настоящее время мы являемся свидетелями кризиса «государства всеобщего благосостояния» (*welfare state*) и его вытеснения новой моделью – *workfare state* (государство работников). Но в той мере, в какой занятость этих работников основана на краткосрочных контрактах (а значит, работники не объединены в профсоюзы и не обладают какими-либо ресурсами отстаивания собственных прав), речь идет о специфическом способе взаимоотношений между (государственной) властью и (гражданским) обществом. В результате возникает двойной кризис – кризис гражданства и кризис нации. Из гражданства вынимается его важнейший элемент – социальные права. Нация более не может быть пережита как кросс-классовое единство (как культурное целое, существующее вопреки классовым делениям).

Наслаиваясь на этот фон, иммиграционные процессы и связанные с ними проблемы, начинают восприниматься как исключительно культурно (а не социально) детерминированные. И если в начале 1990-х годов К.-У. Шируп и А. Алунд вели речь о «парадоксах мультикультурализма» (см. их одноименную книгу), то опыт последних лет заставляет поставить вопрос о парадоксах либерализма. Корень проблем, с которыми сталкиваются сегодня страны индустриально развитого мира - современный либерализм, принявший облик неолиберализма (т.е. идеологии, оправдывающей уход государства от социальной ответственности).

Тезисы шведских докладчиков вызвали оживленную полемику коллег.

Второй докладчик – научный директор представительства Института Кеннана в Москве **Эмиль Паин** – посвятил свое выступление, в основном, нормативным аспектам существования национальных государств в условиях глобализации. Иммиграционные процессы влекут за собой рост культурного разнообразия, однако необходимость общего ценностного базиса сохраняется.

Выступление третьего докладчика (им был **Николай Мейнерт**, представлявший одновременно Финляндию/Хельсинки и Эстонию/Таллинн) было сосредоточено на ускользающей семантике термина «культурное меньшинство». В постсоветских странах (и, в частности, в государствах Балтии, ситуацию в которых выступавший знает изнутри) группы, формально подпадающие под понятие «культурное меньшинство», фактически таковыми не являются. Это затрагивает как демографическую, так и социально-культурную сторону дела. В частности, русские в Эстонии и Латвии не только составляют огромную долю среди жителей этих стран, но и выступают представителями культуры большого

соседа – России. Данное обстоятельство определяет специфику отношения властей упомянутых государств к проблеме культурного разнообразия, во многом объясняя их болезненную сосредоточенность на «национальной интеграции».

Сессия завершилась дискуссией, после которой началась работа второй сессии – «**Правовые и политические аспекты проблемы культурного плюрализма**» (модератор **В. А. Тишков**). Сессию открыл доклад профессора **Кристиана Джопке** (Американский университет в Париже), который сосредоточил свое выступление на вопросе о возможности распространения на иммигрантов культурных прав, действующих в отношении национальных (этнических) меньшинств. Как показал докладчик, принцип недискриминации вступает в противоречие (и логически, и политически) с принципом прав меньшинств. Первый принцип основывается на допущении равенства индивидов и, соответственно, предполагает отвлечение от присущих им свойств (будь то этническое происхождение, религиозная принадлежность и т.д.). Второй принцип, напротив, предполагает, что индивиды, будучи изначально членами того или иного коллектива, могут страдать от несправедливого обращения не как индивиды, а как члены коллектива (если данный коллектив является меньшинством). Иными словами, последовательное применение к ним принципа недискриминации, т.е. формального равенства, на практике означает как раз дискриминацию, фактическое неравенство в доступе к правам. Это противоречие стало предметом специального изучения у целого ряда специалистов (в частности, у такого философа права как Уил Кимлика). При этом У. Кимлика предложил различие, которое Джопке разделяет: меньшинства, населяющие территорию государства исторически (home based), или «коренные», и меньшинства, образуемые иммигрантами. Последние появились на данной территории на основе индивидуального и добровольного прибытия (тогда как первые (а) не выбирали своего места жительства, будучи здесь рожденными, и (б) образуемые ими коллективы носят исторический, а не ситуативный характер. Отсюда следует два вывода. Во-первых, права, действующие в отношении исторических меньшинств, не могут быть распространены на меньшинства, образуемые иммигрантами. Во-вторых, усвоение иммигрантами (точнее, активистами иммигрантских организаций) идеологии мультикультурализма (право на сохранение культурной самобытности) влечет за собой ряд неразрешимых проблем. Главная из них – несовместимость некоторых из поведенческих норм, принятых иммигрантами из исламских стран, с принципами либерализма.

Положения доклада К. Джопке вызвали комментарии, диапазон которых охватывал как философско-правовые нюансы (**Б. Г. Капустин, В. А. Тишков, В. С. Малахов**), так и прямо несогласие. В частности, **Борис Цилевич** (Рига, Латвия) высказал мысль, что дилемма – либо права индивида, либо права меньшинств – является надуманной, а **Екатерина Деминцева** (Москва) возразила тезису Джопке-Кимлики о добровольном характере присутствия иммигрантов на территории западных либеральных демократий. Это тезис, по мнению российской исследовательницы, некорректен, поскольку дети иммигрантов не выбирали своего места жительства.

Присоединяясь к дискуссии, **К.-У. Шируп** уточнил, что, когда мы употребляем понятие «интеграция», мы не должны упускать из виду, в каком значении оно выступает – как приспособление иммигрантов к определенным ожиданиям или как их полное включение в жизнь общества (т.е. как «социальное гражданство»).

Затем слово было предоставлено **Борису Цилевичу**, который осветил проблематику отношения национальное государство vs. культурное разнообразие с точки зрения участника законотворческого процесса. Будучи депутатом сейма Республики Латвия, докладчик является также членом одного из подкомитетов Европейского суда по правам человека Парламентской Ассамблеи Совета Европы. По убеждению выступавшего, принцип равенства не противоречит принципу уважения различий. В этой связи Б. Цилевич предложил вниманию участников обсуждения пять пунктов:

(а) права меньшинств – неотъемлемая часть прав человека; (б) концепция прав меньшинств дополняет концепцию прав человека; (в) права меньшинств – это индивидуальные права (хотя иногда они могут быть реализованы только коллективно); (г) главное в оценке положения меньшинств (т.е. реализации их прав) – принцип эффективного участия; (д) государствам принадлежит прерогатива определять, кто на их территории является меньшинством. При этом выступавший высказался в пользу того, чтобы подумать о включении в этот список принципа множественности идентичности. Но последний – пока – не получил закрепления в правовых документах.

В высшей степени полемически заостренным было выступление **Александра Осипова** (Москва/Санкт-Петербург), заключительное в рамках данной сессии. Докладчик поставил под сомнение допущения, негласно считающиеся почти само собой разумеющимися среди части экспертного и журналистского сообщества. К числу таких допущений относится вера в то, что миграционная политика Российской Федерации носит ограничительный и репрессивный характер, а также в то, что дискриминационные действия российских властей в регионах имеют этническую мотивировку. Однако при более внимательном и менее предвзятом рассмотрении обнаруживается, что эта вера далеко не всегда соответствует действительности. При этом А. Осипов не отрицает роли культурно-этнических категорий в формулировании отношения общества к иммиграции. Но роль этих категорий заключается не столько в том, что они служат *средством* описания феномена иммиграции, сколько в том, что они используются для конфигурации дискуссионного поля, на котором идут разговоры об иммиграции.

Дискуссии, начатые во время работы утренних сессий, получили продолжение на третьем, послеобеденном, заседании – «**Интеграция иммигрантов как теоретическая концепция и социальная практика**» (модератор – **В. С. Малахов**). В рамках этого заседания было заслушано два доклада: **Екатерины Деминцевой** (Институт Африки РАН) и **Владимира Мукомеля** (директора Центра этнополитических и региональных исследований, Институт социологии РАН). **Е. Деминцева**, опираясь на собственные социологические опросы, показала динамику представлений современного французского общества и государства относительно смысла понятия «интеграция». Если два десятилетия назад коммуникация между принимающим населением Франции и приезжими из стран Магриба носила односторонний характер, то в настоящее время ситуация меняется. И среди «коренного населения», и среди выходцев из иммигрантской среды (в основном, это так называемое «второе поколение иммигрантов») растет уверенность в том, что полноправное членство в нации не означает отказа от культурной идентичности, связанной с происхождением. Иными словами, французы перестают понимать под интеграцией иммигрантов их ассимиляцию и перестают смотреть на новоприбывших как на пассивный объект административных процедур. В выступлении **В. Мукомеля** фокус внимания был смещен с Франции на Россию. Докладчик сосредоточился на «культурных» (точнее, социально-психологических) препятствиях на пути интеграции трудовых мигрантов в российское общество. Источник этих препятствий, по мнению докладчика, следует искать не только и не столько в (ложных) установках иммиграционной политики властей, сколько в предубеждениях и предрассудках массового сознания.

Четвертая (завершающая первый день работы конференции) сессия называлась «**Мигранты как субъект социального действия**» (модератор – **Сергей Соколовский**). Ее открыла презентация **Елены Тюрюкановой** (директор Центра миграционных исследований, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН) «Трудовые мигранты из стран СНГ в России: параллельное общество?». В определенном отношении доклад Е. Тюрюкановой продолжал мысли, высказанные в докладе В. Мукомеля, хотя акцент в данном выступлении был смещен с социально-психологических на политические и институциональные факторы. Опираясь на солидную эмпирическую

базу, докладчица продемонстрировала, что в нашей стране сформировался такой тип взаимоотношений между принимающей стороной и иммигрантами, который с необходимостью порождает маргинализацию и изоляцию последних. Докладчица обратила также внимание на изменения в структуре иммиграционного притока в Россию. Эти изменения касаются: (а) расширение географии иммиграции, (б) снижения уровня образования приезжих, (в) снижения языковой компетенции. Если первые волны трудовой миграции из республик бывшего СССР в Российскую федерацию несли с собой относительно хорошо образованных и владеющих русским языком людей, то в последние годы к нам приезжает все больше работников, социализация которых происходила в постсоветских условиях. Это обстоятельство накладывает на государство и общество принимающей страны дополнительную нагрузку, которую те, к сожалению, пока не готовы нести.

С большим вниманием был встречен доклад **Ольги Бредниковой** (Центр независимых социологических исследований, Санкт-Петербург) «Перекраивая городской ландшафт: как иммигранты преобразуют городскую среду». Будучи представителем качественных методов в социологии, докладчица провела немало времени, изучая жизненные стратегии и повседневность трудовых мигрантов из Средней Азии в Санкт-Петербурге. Результаты ее наблюдений во многом расходились с представлениями о «понаехавших», которым мы обязаны журналистам и телевизионным комментаторам. Ряд выводов доклада вызвал дискуссию. Так, О. Бредникова делала упор на «номадической» психологии трудовых мигрантов в сегодняшней России. А коль скоро постоянное жительство в России не входит в их намерения, речь может идти лишь о временной миграции. На это ряд участников (**В. Малахов, Б. Цилевич**) возразили, что субъективные интенции агентов социального действия и объективные обстоятельства – не одно и то же. Мигранты могут сколь угодно долго лелеять мечты относительно своего будущего возвращения в страну исхода, однако, как показывает опыт мигрантов в Западной Европе, этого может никогда не произойти.

Дискуссии, начатые в течение первого дня работы конференции, получили продолжение во второй день. Заседания второго дня были посвящены двум темам: **постсоветскому опыту нациостроительства и России как иммиграционному государству**. **Евгений Абдуллаев** (Ташкент) сосредоточил свое выступление на влиянии миграционных процессов (в данном случае – эмиграции) на процесс государственно-национального строительства в Узбекистане. На сегодняшний день граждане этой страны выезжают на заработки либо в Казахстан, либо в Россию. Другие регионы (например, Китай) лежат - пока – вне поля их зрения. Почему? И как долго это продлится? Ответ на второй вопрос вытекает из ответа на первый. Что же касается вопроса о причинах географических предпочтений узбекских мигрантов, то докладчик полагает, что дело здесь не только и не столько в знании языка (они часто очень слабые). Дело в сохраняющемся социокультурном пространстве, переживаемом как «постсоветское». Поэтому от того, насколько устойчивым окажется это переживание (а значит – в какой мере будет воспроизводиться общее социокультурное пространство) и зависит будущее направление иммиграционных потоков из Узбекистана.

В выступлении **Сергея Румянцева** была поднята, на первый взгляд, та же тема, что и в докладе Е. Абдуллаева. Но если Е. Абдуллаев был занят преимущественно социально-психологическими и социокультурными аспектами «нациостроительства», то С. Румянцева интересовала в первую очередь политическая составляющая этого процесса.

Государственность в современном Азербайджане, как и во многих постсоветских странах, не является устойчивой и не ощущается таковой ни властью, ни населением, утверждал докладчик. Нацию – в данном случае, азербайджанскую – еще необходимо сконструировать. С. Румянцев сфокусировался на анализе того, кто выступает агентами такого конструирования и каковы те инструменты, которыми эти агенты располагают.

Основной агент – это, разумеется, бюрократия. Инструменты в их распоряжении – государственная машина статистики и специальные органы, созданные правительством с целью мобилизации «азербайджанской нации» (например, Консультативный комитет по работе с диаспорой). Азербайджанская нация воображается как очень многочисленная (более 50 млн. человек). В ее состав включается не только население сегодняшнего Азербайджана (около 8,4 млн.), но еще четыре десятка миллионов человек по всему миру, имеющих азербайджанское происхождение. Таким образом, получается, что более четырех пятых нации проживают в «диаспоре». У азербайджанской нации, в том виде, как она воображается политическим классом Республики Азербайджан, две точки сборки: противостояние «мировому армянству» и глорификация Гейдара Алиева (отца нынешнего президента и бывшего лидера, руководившего республикой еще в советское время). Других возможностей консолидировать население у властей нет. Отсюда и проистекает их обращение к политике «диаспоры».

Проблемы адаптации таджикских мигрантов в России стали предметом выступления **Саодат Олимовой** (Академия наук республики Таджикистан, Душанбе). Как показала докладчица, основные проблемы с их адаптацией связаны с трудностями правового характера (сложные процедуры регистрации, коррупционные ожидания работников правоохранительных органов), с занятостью в теневом секторе экономики, с низким уровнем зарплат, соответственно – с невозможностью привезти семью, с плохим знанием (или незнанием) языка, а также с отсутствием социальных гарантий. Со сходными проблемами сопряжено и присутствие в России армянских иммигрантов, о чем говорил в своем выступлении **Артур Сакунц** (руководитель Винадзорского офиса Хельсинской гражданской ассамблеи, Армения). При этом докладчик уделил особое внимание процедурам прямой и косвенной дискриминации, объектами которой часто оказываются выходцы из Армении в Москве и других российских городах.

Выступление Сергея Рязанцева, которое должно было быть посвящено проблемам адаптации в России иностранных студентов, не состоялось по болезни докладчика. Вместо него был заслушан доклад **Игоря Савина** (г. Чимкент, Казахстан) о ксенофобиях и этнофобиях принимающего населения по отношению к иммигрантам. Завершил работу секции о России как иммиграционном государстве доклад **Марианны Фадеевой** (главный научный сотрудник Института философии права Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург) «Нация и популяция: этнополитические стратегии российской федерации». Выступавшая отстаивала тезис, согласно которому без гражданского самосознания и гражданской солидарности никакое общество (российское в том числе) не достойно называться нацией, а представляет собой всего лишь популяцию, подобную тем, что населяют мир животных.

Завершением и, в известном смысле, кульминацией работы конференции стал **Круглый стол**. Ведущий (**В. С. Малахов**) поставил перед участниками четыре блока вопросов, по каждому из которых принимались заявки на короткие выступления желающих. Первый блок вопросов касался методологических оснований обсуждения проблематики «национальное государство и культурный плюрализм, порождаемый иммиграцией»; второй блок – сравнимости постсоветской (и, в частности, российской) ситуации с западной, третий – нормативных, и, наконец, четвертый, политико-практических аспектов проблематики. В выступлении **Виктора Воронкова** (директор Центра независимых социологических исследований, Санкт-Петербург) шла речь о сомнительности теоретических подходов, которые говорят о социальной реальности из перспективы власти и потому предпосылают описанию реальности готовые схемы. Гораздо более продуктивным подходом, по убеждению В. Воронкова, является такой, который исходит из жизненного мира агентов социального взаимодействия. Применительно к иммигрантам это означает, что социолог должен не навязывать им собственные категории, а обращаться к смыслам, которыми оперируют сами иммигранты.

Ход рассуждений В. Воронкова был подхвачен **С. Румянцевым**, который обратил внимание на некорректность употребления таких схем описания, как «настоящие мусульмане», «жесткие мусульмане» и т.п. Всякий раз, когда позиция наблюдателя (социолога, «мигрантоведа») формулируется как позиция власти, наблюдатель, во-первых, впадает в грех высокомерия по отношению к своему объекту («они», «мусульмане», «черные» и т.д.), а во-вторых, не замечает того, что принимает категории статистики за категории социального действия.

Теоретико-методологические аспекты были затронуты в комментариях других участников дискуссии. В частности, **М. Фадеева** обратила внимание на проблематичность использования категории «диаспора» применительно к иммигрантам вообще и к иммигрантам в постсоветских странах, в особенности. Так, взгляд на этнических узбеков, долгое время живущих на Урале, как на членов «узбекской диаспоры» в России неверно расставляет акценты. Эти люди – члены местного сообщества (и в социальном, и в политическом, и, в значительной мере, в культурном плане), а не представители иностранного государства в России.

А. Алунд сосредоточилась на роли институтов, обеспечивающих реальное инкорпорирование иммигрантов в общество принимающей страны (образование, здравоохранение, судебная система и т.д.). Реальная включенность иммигрантов имеет место только тогда, когда эти институты работают (например, когда индивид может подать жалобу в суд или получить достойное образование). В противном случае «интеграция» - не что иное, как идеология.

Нельзя сказать определенно, услышал ли **Кристиан Джоппке** в рассуждениях С. Румянцева и А. Алунд инвективы по своему адресу, но он построил свои комментарии вокруг отличий между западной и российской ситуациями, связанных с иммиграцией. Если в Европе, на момент массового притока иммигрантов, правовое государство уже существовало, то в постсоветской России соответствующие институты либо отсутствовали, либо не «работали», полагает К. Джоппке. Кроме того, в Европе после 1945 не осталось неоконченных проектов нациостроительства, тогда как на постсоветском пространстве множество проектов именно такого рода. После разгрома нацистского режима национализм в Европе в такой степени делегитимизирован, что пересмотр национально-государственных границ больше не стоит на повестке дня. На территории бывшего СССР подобной делегитимации не произошло, что ведет к попыткам завершить «неоконченные» проекты формирования наций, а это, в свою очередь, влечет за собой дополнительные сложности с проблемами иммиграции.

Тема совместимости различных национальных контекстов восприятия иммиграции и обращения с проблемами, с нею связанными, была подхвачена в комментариях **Н. Мейнерта**. Он, в частности, обратил внимание на разные значения, вкладываемые в одни и те же понятия в странах Западной и Восточной Европы («государство», «национальность», «гражданство» и т.д.).

Нормативных аспектов проблематики иммиграции коснулись **Б. Цилевич, Е. Деминцева, Е. Абдулаев**. Так, Б.Цилевич остановился на том, что права человека дефинируются в международных документах как «универсальные»; однако, как показала Венская встреча 1993 г., ряд государств Азии отвергают это притязание на универсальность, указывая на «западное» происхождение данного концепта. Негласные допущения, лежащие в его основе – индивидуализм и сутяжничество. Но отнюдь не все общества живут на этих допущениях. Поэтому, в известных пределах, допустим и даже желателен правовой плюрализм, т.е. применение различных механизмов регулирования в различных ситуациях.

Наконец, политико-практические аспекты проблемы «государство и иммиграция» стали предметом размышлений **А. Осипова**. Он, в частности, говорил об ограниченности

социальной инженерии. Одно дело – схемы, на которые ориентированы бюрократия и экспертное сообщество. Другое дело – правила, по которым живут реальные люди. Кроме того, А. Осипов коснулся такого вопроса, как сложность управления значениями понятий, обусловленную вовлеченностью проблематики иммиграции в политический контекст. Сколь бы исследователи ни пытались продемонстрировать неуместность одних (и уместность других) категорий, бюрократия, тем не менее, навязет свои категории. Так, в случаях, когда явно имеет место проблема дискриминации, чиновники (и связанные с ними эксперты) ведут разговор о «международных отношениях», «мультикультурализме», «толерантности». И наоборот, обсуждение той или иной ситуации может идти в терминах этнической дискриминации, тогда как в этой ситуации имеют место отношения другого рода (например, рутинная бюрократическая практика).

Подводя итоги обсуждения, В. Малахов поблагодарил всех его участников за продуктивные теоретические интервенции и призвал их в кратчайшие сроки прислать организаторам тексты докладов для последующей публикации. В книгу войдут также статьи специалистов, которые не смогли поучаствовать в конференции лично. Это **Райнер Баубек** (Италия/Австрия), **Ясемин Сойсал** (Великобритания/США) и **Сергей Рязанцев** (Россия).